

ББК ТЗ(2)534

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Н.В. Антоненко

ФГОУ ВПО «Мичуринский государственный аграрный университет»

Рецензент А.А. Слезин

Ключевые слова и фразы: идеологическая эволюция зарубежного монархизма; монархическая эмиграция; социально-политическая программа.

Аннотация: Рассматриваются основные аспекты социально-политических программ русской монархической эмиграции. Делается акцент на идеологической эволюции зарубежного монархизма, что демонстрируется в комплексе теоретических установок политической программатики монархического движения, и, в частности, в вопросах социальной политики.

Проблема урегулирования социальных отношений всегда занимала важное место в политических программах монархистов. Значительную эволюцию в этом вопросе демонстрировали проекты русской монархической эмиграции. До революции социальные планы сторонников монархии в своей основе сводились к политике «малых дел», реализация которых могла бы способствовать улучшению положения различных слоев населения – крестьян, рабочих, низших служащих, мещан, солдат [1, с. 336], в эмиграции они расширились с учетом накопленного политического опыта, а также изменений, произошедших в России. Будучи уверены в неизбежном падении советского строя, монархисты в эмиграции стремились создать конкурентоспособную модель общественного переустройства России, с одной стороны, альтернативную власти большевиков, с другой – адекватную изменившемуся российскому обществу. На волне постреволюци-

Антоненко Н.В. – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, государственного управления и права МичГАУ.

онных событий из политических проектов правых исчез некогда яростно отстаиваемый ими постулат о сохранении сословного строя. Социальная доктрина монархизма была переориентирована на общепопулярные принципы социальной справедливости и классового сотрудничества. Программы правоэмигрантов взяли установку на «одинаково справедливое отношение ко всем категориям производительных работников, как умственного, так и физического труда, каковые должны получить одинаковую защиту и равное обеспечение своих отдельных интересов» [2].

Несмотря на идейную неоднородность монархической эмиграции (от сторонников исконных самодержавных начал до приверженцев конституционной монархии, вплоть до адептов монархической власти к советской политической системе), имевшиеся значительные теоретические расхождения в модели будущего общественного устройства, подходы монархистов к решению социальных вопросов в общем и целом не имели существенных различий. Исключение, пожалуй, составляла проблема определения социально-классовых приоритетов в постбольшевистской России, тесно связанная с представляемой доктриной экономического развития страны.

Так, правое крыло монархической эмиграции видело Россию исключительно аграрной страной, и, исходя из этого, считало, что ее социальный фундамент будут составлять царь, крестьянство и мыслящий руководящий класс, очистившийся от «старой интеллигенции, доказавшей свою непригодность к управлению» [3, с. 84].

Большинство представителей эмигрантского монархизма мыслили Россию в ракурсе аграрно-индустриального развития, отсюда на вершину социальной лестницы ставили производителей – рабочих и крестьян. Щедрость их популистских обещаний: обеспечить достойное положение крестьян в обществе, поднять народ до уровня интеллигенции и даже поставить русского крестьянина на место бывшего российского дворянина – продемонстрировала стремление носителей монархической идеи приспособить демократические установки советского общества к идейным основам монархизма. В программных документах это выразилось в формулировках: «1. Повысить престиж «почетных стариков». 2. Установить сословие почетных крестьян – личных и потомственных» [4, с. 1] и т.п.

Пытаясь в какой-то степени реабилитировать себя перед русским крестьянством, правоэмигранты стремились подчеркнуть социально-политический приоритет крестьянина по отношению к рабочему. Официально заявлялось о более скромных обещаниях рабочему, нежели «его брату землеробу» [5, с. 149]. В то же время реальная ситуация доказывала явный популизм такого рода заявлений.

Политические проекты монархической эмиграции содержали установки решить рабочий вопрос на принципах увеличения рабочих мест, страхования трудящихся и государственной охраны труда [6]. При этом правые всячески подчеркивали, что их социальные гарантии рабочим не останутся пустыми обещаниями, а явятся предметом особой заботы будущей власти [7]. Труд фабрично-заводских рабочих будет находиться под защитой и попечением специального законодательства [8], которое обеспечит гарантии «здоровых отношений труда и капитала», возможность в

пределах закона защищать свой труд, самоуправление, пенсионное обеспечение, в том числе возможность досрочного ухода на пенсию путем сверхурочных работ [9].

Таким образом, планы монархистов в отношении рабочих сводились к созданию новых рабочих мест, их законодательной защите, улучшению условий труда и быта, что демонстрировало совершенно иное отношение государства к рабочему: «как а) к одной из производительных сил; б) к гражданину; в) к человеку» [10].

Немаловажную роль в системе рабочего законодательства играл вопрос о механизме защиты рабочими их социально-политических прав. В дореволюционных проектах правые подчеркивали, что являются сторонниками урегулирования возникавших конфликтов сугубо мирными средствами. Они выступали против любых массовых волнений, включая экономические забастовки [1, с. 336]. Сохраняя преемственность, политические программы эмигрантского монархизма категорически отрицали право рабочих на забастовки и право предпринимателей на локауты, предлагали решать все споры между работодателем и наемным трудом в судебном порядке, а в особых случаях – властью монарха [11, с. 159].

Отличительной чертой эмигрантских монархических программ являлось игнорирование интересов интеллигенции, что вполне объяснимо: многие из оказавшихся за рубежом основную вину за произошедшие революционные потрясения в России перекладывали на «образованное меньшинство» российского общества. Стирая в памяти черты старой русской интеллигенции, идеологи эмигрантского консерватизма задавались вопросом, каким же в идеале должен быть «образованный слой» российского общества, из каких «ингредиентов» должна состоять грядущая интеллектуальная элита?

И.А. Ильин призывал формировать ее «не по рождению и не по словию, а по качеству лица и воспитания» [12, с. 492]. Этот «ведущий слой» должен представлять собой нечто живое, подвижное, постоянно пополняющееся новыми, способными людьми.

Всегда резко отзывался о русской интеллигенции И.Л. Солоневич. Он не отрицал, что в будущем России необходим новый правящий слой – «русский, народный, национальный и образованный политически», однако этот «ведущий слой» не может быть интеллигенцией. Социальной базой российской монархии станет «не дворянство, которое этой базой не было никогда, а тот Иван, который захочет иметь «свою землицу» и не захочет новых коммунистических экспериментов» [13, с. 260-261]. Отсюда созданное Солоневичем Российское Народно-Имперское (штабс-капитанское) Движение стремилось к установлению надклассовой внесловной монархии, в рамках которой резко принижалась значимость той роли, которую выполняли в обществе интеллигенция, аристократия и бюрократия.

Сторонники «советской монархии» (синтеза монархической власти с элементами советской политической системы) не видели пороков в искусственно созданной советской бюрократии – социальном слое, образованном из остатков прежней интеллигенции и буржуазии, сильно разбавленном выдвигенцами из рабочих и крестьян». В то же время интеллигенции отводилась второстепенная роль в общественной жизни, она фак-

тически отстранялась от всех политических дел и допускалась не к «созданию», а лишь к «участию» во внутренней политике [14].

До революции правые партии в своих программах уделяли особое внимание вопросам воспитания и образования. Семья рассматривалась ими как гарант социального порядка в государстве, а образовательная политика была направлена на воспитание учащихся в духе патриотизма и верности существующему режиму [15, с. 202]. В эмиграции политика в области семьи, брака, воспитания, образования стала «слабым звеном» монархических программ. Это объяснялось целым рядом причин. Во-первых, первоочередные для монархистов – эмигрантов задачи реставрации власти и собственности в России заслонили собой социальные вопросы. Во-вторых, столкнувшись в изгнании с материальными, моральными трудностями, проблемами социальной адаптации, многие русские семьи переживали кризис. Изменилось понятие брака, который в эмиграции нередко становился способом изменения гражданства [16, с. 25]. Первое поколение эмигрантов, стремясь уберечь свои социокультурные традиции, сохраняло «священное» отношение к семье и браку, соотносящееся с основами христианской морали. Лишь применительно ко второму поколению можно говорить об интеграции в западное общество, культурной ассимиляции [17, с. 313].

Деятельность эмиграции в области образования главным образом сосредотачивалась не на теоретической, а на практической работе. Ее задача состояла в том, чтобы сохранить национальную культуру, все русское, воспитать подрастающее поколение для будущей России.

В основу государственно-образовательной политики большинство монархических программ полагало принцип доступности образования для широких слоев населения, провозглашалась обязанность государства ввести всеобщее, бесплатное, обязательное обучение в начальных школах. Однако на ступени среднего и высшего образования данные обязательства не распространялись.

Все обстоятельства указывали на то, что, находясь в эмиграции, монархисты не только ностальгировали по ушедшему прошлому, но и стремились разработать и предложить продуманную систему мер, позволявших после ожидаемого падения большевизма осуществить плавный переход к сложившимся в России новым социально-политическим отношениям. С одной стороны, их социальные программы не отличались особой широтой и привлекательностью, с другой – они демонстрировали определенную эволюцию в подходах к социальным проблемам. Некоторая сдержанность правоэмигрантов в решении социальных вопросов, прежде всего, объяснялась произошедшей трансформацией зарубежного монархизма: если в дореволюционный период большинство монархических партий носило «всесловный» характер, что определяло их повышенное внимание к социальной политике, то в эмиграции произошло естественное «угасание» интереса к означенным проблемам в связи с сужением социального круга правоконсервативных сил. Зарубежные монархические организации в основе своей имели помещичье-буржуазный состав, интересы которого были всегда защищены в России.

Кроме того, правые, как правило, проявляли осторожность в решении социальных вопросов, опасаясь переоценить реальные возможности государства. Исключение составляли лишь сторонники конституционной монархии, абсолютно игнорировавшие возможность какой бы то ни было социальной поддержки со стороны государства.

Значительное место в программных документах монархической эмиграции занимал «рабочий вопрос», хотя предлагаемые меры по улучшению положения рабочих не являлись сколько-нибудь масштабными: в основном они ограничивались созданием рабочих союзов, проявлением заботы о рабочих, потерявших трудоспособность, социальной защитой труда женщин и детей. При общем намерении повысить общественный авторитет российского крестьянства, ему адресовалось гораздо меньше государственных обязательств: гарантировалась доступность образования, повышение общественно-правового статуса.

Дифференцированный подход монархической эмиграции к задаче возрождения России не представил возможности создания единой модели общественного устройства. В то же время на фоне многоконцептуальности прогнозируемых преобразований явно усматривалась тенденция либерализации социальной политики, что, прежде всего, выразилось в единодушном стремлении сторонников монархии к общественному консенсусу, намерении строить «общественный диалог» на основе принципов социального равенства и классового сотрудничества.

Список литературы

1. Кирьянов, Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917. / Ю.И. Кирьянов. – М., 2001.
2. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 166д (2). Л. 86.
3. Святополк-Мирский Д. Чем объяснить наше прошлое. Чего ждать от нашего будущего? – Париж, 1926.
4. Казаков, Т. К царству крестьян / Т. Казаков // Царский вестник. 1928, № 11.
5. Снеессарев, Н. Кирилл Первый Император ... Кобургский: Факт. Берлин, 1925.
6. ГА РФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 570. Л. 73.
7. ГА РФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 166. Л. 2.
8. ГА РФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 570. Л. 19.
9. Царский вестник. 1929. № 24.
10. Возрождение. 1926. № 313. 11 апр.
11. Солоневич, И.Л. Проект общемонархической программы / И.Л. Солоневич // Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. М., 2003.
12. Ильин, И.А. Основы государственного устройства / И.А. Ильин // Собрание сочинений : В 10 т. Т. 7. М., 1993.
13. Волкогонова, О.Д. Образ России в философии русского зарубежья / О.Д. Волкогонова. – М., 1998.
14. Сигнал. 1938. № 28.

15. Репников, А.В. Консервативная традиция и современность / А.В. Репников // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2001.

16. Сабенникова, И.В. Правовое положение русской эмиграции в Англии в межвоенный период / И.В. Сабенникова // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917 – 1940 гг.) : Междунар. научн. конф., 29 июня – 2 июля 2000 г. – М., 2002.

17. Сабенникова, И.В. Самоидентификация и ассимиляция: консервативный либерализм в русской эмиграции / И.В. Сабенникова // Либеральный консерватизм: история и современность : материалы Всерос. научно-практ. конф. – М., 2001.

Social Programs of Russian Monarchist Emigration

N.V. Antonenko

Michurinsk State Agricultural University

Key words and phrases: ideological evolution of foreign monarchism; monarchist emigration; socio-political program.

Abstract: Basic aspects of socio-political programs of Russian Monarchist emigration are studied. The paper focuses on the matter of ideological evolution of foreign Monarchy, which is demonstrated in the complex of theoretical lines of political programs of Monarchist movement as well as in the problems of social policy.

© Н.В. Антоненко, 2006